

Русская научная элита и советский тоталитаризм
(очень субъективные заметки)

1

Ученый и общественный деятель - академик Владимир Иванович Вернадский (1863-1945) был равно признан и в царской России, и в Советском Союзе¹, и в постсоветской России. Он один из немногих русских ученых, влияние идей и самой личности которого вышло далеко за рамки научного сообщества и остается неизменно ощутимым на протяжении всей истории России XX века - несмотря на глобальные политические изменения в стране. Сегодня политики - вплоть до президентов страны - считают хорошим тоном процитировать "из Вернадского" и тем самым подкрепить его научным и гражданским авторитетом свои, особенно футуристические построения. Ссылками на причастность или близость к Вернадскому историки науки сообщают дополнительную научную или нравственную прочность своим героям; примечательно, что ощущение весомости таких ссылок в сознании читателя столь довлеет историкам, что они делаются наперекор элементарным фактам².

¹ Первым на социальную "пластичность" фигуры Вернадского обратил внимание безвременно скончавшийся американский ученый Kendal E. Bailes, см. его работы: Science, Philosophy and Politics in Soviet History: The Case of Vladimir Vernadskii // The Russian Review. 1981. July. Vol. 40. N 3. P.278-299; Science and Russian Culture in the Age of Revolutions: V.I.Vernadsky and His Scientific School, 1863-1945. Indiana Univ. Press: Bloomington and Indianapolis, 1990.

² Например, один из известнейших историков науки И.И.Шафрановский сообщая в новейшей монографии о биографии "выдающегося русского кристаллографа, кристаллохимика и геохимика" Н.В.Белова, указывает, что он "среднее образование ... получил в Варшавской гимназии..., в этой же гимназии учился до него знаменитый русский минералог, геохимик и биохимик акад. В.И.Вернадский" (см.: Шафрановский И.И. Кристаллография в СССР. 1917-1991.

Налицо и другие несущие конструкции культового сооружения: многочисленные конгрессы, конференции, симпозиумы, посвященные Вернадскому, станция метро в Москве, проспекты, университеты, комиссии, фонды, стипендии его имени, памятники - словом, то, что на западе приземленно именуют - "industry".

Последняя академическая "Биобиблиография"³ Вернадского, отнюдь не исчерпывающая, только к 1991 г. насчитывает 914 позиций исследовательской литературы, а научные труды и эпистолярная ученая за период с 1945 по 1991 гг. издавались или переиздавались более 200-т раз. Когда-то импульс серьезной исследовательской и публикаторской работе над наследием Вернадского дал собиравшийся в начале 1950-х годов в Минералогическом музее им. А.Е.Ферсмана небольшой кружок почитателей ученого. Им и еще несколькими энтузиастами из оттепельных 1960-х мы обязаны открытием Вернадского - философа. Сегодня "вернадистов" тысячи. Но поток публикации *новых* работ или эпистолярных *самого* Вернадского из его колоссального архива заметно иссякает; ему на смену пришли канонические переиздания, вроде монументальной "Библиотеки трудов академика В.И.Вернадского" - преимущественно перепечатки уже многократно публиковавшегося, подготовленная в модном ныне жанре "без комментариев" или с минимумом их.

Фактически Вернадский сегодня "канонизирован". Между тем само общество за прошедшие годы существенно изменилось и историка не может не настораживать та легкость, с какой Вернадский вписывается как в созданный советским тоталитаризмом образ "советской науки", так и в творимые на наших глазах мифы о русском "научном андеграунде" и "репрессированной науке". Прелюбопытнейшую картину демонстрирует именней указатель новейшего справочника опубликованных документов по истории России XX века из государственных и семейных архивов (по отечественной периодике 1985-1995

СПб.: Наука, 1996. С. 31). Совершенно неважно, что учиться в этой гимназии В.И.Вернадский никак не мог. В мифе генеалогия героя всегда восходит к богам.

³ Материалы к биобиблиографии ученых. Сер. геол. Наук. Вып. 44. М.: Наука, 1992.

гг.): наиболее "публикуемым" перестроечным героем был Сталин - 96 позиций, за ним следует Ленин - 77, на третьем же месте - Вернадский - 37; от этой лидирующей тройки все остальные авторы отстают с колоссальным разрывом⁴. Оказывается, что в общественном сознании перестроечной России именно ученый, интеллигент выдвигался на роль альтернативы гениям зла как пример подлинного патриота и гражданина.

Как, когда и почему общество и\или правящая элита востребуют тех или иных "национальных героев" - вопрос исследовательской программы на будущее. Несмотря на огромное число публикаций, Вернадский до сих пор остается terra incognita. Одна из главных перспектив ее освоения - введение в научный оборот полноценных текстов самого ученого.

2

Теперь загадка: текст - фрагмент письма в Америку, написанного 18 сентября 1936 в Праге, и вопрос - кто автор? Несколько подсказок из заграничного паспорта: гражданство - Союз Советских Социалистических Республик; профессия - ученый, действительный член Академии наук СССР; год рождения - 1863.

"Дорогой мой - послезавтра уезжаю в Париж, пробуду там очень недолго и затем еду в Лондон, где пробуду не менее месяца. В 20-х числах октября вернусь в Прагу - побывав вновь в Париже, Веймаре (хочу побыть день - т.к. хочу почувствовать Гете, в связи с написанной, но не отделанной моей статьей о Гете как натуралисте) и один день в Лейпциге (60-летие моей дружбы с Брауном - познакомились в 1876 году, когда я перешел в 1-ую гимназию в Петербурге, из Харькова). [...]

Мне хочется тебе написать несколько слов еще о России в связи с прочитанным и здешними впечатлениями.

⁴ Открытый архив: Справочник опубликованных документов по истории России XX века из государственных и семейных архивов (по отечественной периодике 1985-1995 гг.) / Сост. И.А.Кондакова. М., 1997

Мне кажется, неверно представление, с которым постоянно встречаешься, о большевиках как шайке людей, беспринципных, борющихся только за власть⁵. Не учитывается очень важное и впервые в истории встречающееся явление, что люди, захватившие власть не обогащаются лично или семейно. Это новое и важное явление.

Конечно, это не шайка разбойников и интересы государства, благо народных масс, м.б. (и наверное отчасти) неправильно понимаемые, являются основным мотивом действий.

Я думаю, что головка здоровая и умственно и темпераментом сильная (Сталин, Молотов, Литвинов, Ворошилов...) Все они, хотя пользуются по должности дачами и т.п. - но не накапливают богатства, а лишаясь места (Енукидзе, напр.) возвращаются в толпу - и если не будут работать, теряют возможность жить.

Это тяжелое условие “социал[изма]” - что ты сам не можешь обеспечить себе старость и независимость.

Я лично думаю, что Сталин настоящий государственный человек. И сила - и умственная, и действенная - указанного человека выше средней головки, правящей другими государствами. [...]

Много погибло - естественно и насильственно крупных людей и эта гибель талантов, сильная в каждой войне - ужасное в революции и может остановить надолго рост нации. Но сейчас подняты наверх и могут легче проявляться новые социальные и интеллектуальные силы народных масс. А это силы большие и здоровые.

Гангрена охранок и ГПУ - наследие, как и все старого, - есть по существу морально разлагающая и многое губящая. Как выйдет из этого государство, трудно сказать. Но есть в ней одна черта - своеобразная. Огромная часть прошедших через нее людей возвращается на прежнюю работу и часть работы заключенных государственно нужна. Я думаю, вопрос о цензуре мысли и жестокости и несправедливости действий полицейских сил - основной для

⁵ Здесь и далее все подчеркивания авторские. Полностью сохранена авторская стилистика.

длительного прогресса. И думаю, что он может быть разрешен без переворотов"⁶.

Цельный и логичный текст, законченный сюжет. Некий советский академик, ранней осенью 1936 свободно работающий и путешествующий по Европе - Прага, Париж, Лондон, Лейпциг и Веймар - чтобы "почувствовать Гете" и встретиться со старым гимназическим другом, разумеется, не мог не считать товарища Сталина "настоящим государственным человеком", а каторгу сотен тысяч соотечественников и коллег - "своеобразной" и "государственно нужной" - что же тут удивительного?

Автор письма - отнюдь не "красный академик", выдвиженец-партиец, а Владимир Иванович Вернадский. Письмо сыну, Георгию Владимировичу, из серии "вольных", неподцензурных.

3

Гражданская позиция Вернадского в послеоктябрьские годы (как, впрочем и в дооктябрьские), описывается в отечественной литературе как однозначно оппозиционная сталинскому (или николаевскому) режиму. Это настолько общее место, что составители тома "Публицистических статей" В.И.Вернадского⁷ стыдливо решили не включать в книгу советские газетные статьи академика 1930-х годов, полагая, по-видимому, что они снижают образ ученого-нонконформиста. Кажется, что аргументов в пользу указанной интерпретации более, чем достаточно: опубликованные, хотя и фрагментарно, дневники ученого 1930-х годов, содержащие самые резкие характеристики "сталинского социализма", его многочисленные письма-протесты в высшие

⁶ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (Бахметевский архив) Колумбийского университета США (далее BAR). Vernadsky Coll. Box 12. Пользуясь случаем, что хочу отметить, что работа с материалами семьи Вернадских в Бахметьевском архиве стала возможна благодаря гранту Программы Фулбрайт (США). Полностью это и другие письма В.И.Вернадского сыну из этого собрания будут опубликованы в 23-м выпуске альманаха "Минувшее".

⁷ М.: Наука, 1995. Том вышел в упомянутой выше серии "Библиотека трудов академика В.И.Вернадского".

партийные и государственные инстанции в защиту репрессированных ученых, наконец, документально подтвержденный факт непрерывного сбора НКВД компромата на академика, которому на протяжении всех 1930-х годов чекисты постоянно отводили руководящую роль во всевозможных мифических заговорах. Хорошо известно противостояние Вернадского и философво-диалектиков от марксизма, "особая" позиция академика во многих академических вопросах. Между тем, в определенных кругах эмиграции не без язвительности замечали, что "он всю жизнь провел в оппозиции правительству, но всегда на казенной квартире"⁸.

В самом деле, так и остается неясным, почему же в ответ на столь казалось бы вызывающее поведение ученого власть не только не предприняла каких-либо ограничительных или репрессивных действий, а, наоборот, обеспечивала ему максимально комфортные по советским понятиям условия жизни и деятельности, которые сам ученый называл все равно "рабскими".

Несколько фактов. Если в середине 1936 г. совокупная зарплата ученого составляла "1700 с вычитами", то с января 1937 он был включен в счет 12-ти академиков, получающих 3 000 р. в месяц. После переезда в Москву в новой арбатской квартире - "блестящей" по отзыву самого ученого, он сразу получил прямой телефонный канал с Прагой, где жила дочь, а еще через некоторое время и с Америкой, где находился сын. При всех проблемах с получением заграничной научной литературы, Вернадский имел режим наибольшего благоприятствования: так за попытку ограничить получение ученым книг шеф Главлита С.Б.Ингулов получил постановлением СНК (!) резкий выговор за "превышение власти", а академик - личное письмо председателя СНК В.М.Молотова с извинениями и копию неопубликованного постановления СНК о выговоре Ингулову. На следующий день на дом принесли книги. "Я думаю, - писал Вернадский сыну, - что я добился возможности получать всякие научные книги и журналы, понимая "научные" широко, напр. сейчас и New York Times"⁹.

⁸ BAR. Kryzhanovskii Coll. Box 2. Memoirs. Folder 1.

⁹ Ibid. Vernadsky Coll. Box 12. Письмо сыну из Праги от 16-17 августа 1936 г.

И в дальнейшем при возникновении проблем на помощь ученому приходил сам председатель СНК, как бы патронировавший в эти годы Вернадского. По-видимому, не без участия Молотова в 1936 состоялось решение о постройке - вне очереди, "вне общей постройки" - отдельного здания Биогеохимической лаборатории (Биогел), реальный "народнохозяйственный эффект" от деятельности которой вряд ли был ожидаем кем бы то ни было. Все решения по реорганизации Биогел на протяжении 1930-1940-х годов оформлялись непосредственно постановлениями СНК. В январе 1937 академик констатировал: "Переходим совсем в состав "привилегированный" в социалистическом диктаторском государстве"¹⁰.

Положение Вернадского в СССР нельзя даже назвать "золотой клеткой". Вплоть до 1938 он практически ежегодно получал многомесячные заграничные командировки в Европу. А извиняясь за задержку заграничного паспорта или объясняя невозможность получения очередной командировки точно в указанные Вернадским сроки, СНК непременно подкреплял негативный ответ дополнительным финансированием исследований академика в рублях и валюте. Вернадский-прагматик отлично понимал законы Системы, еще в 1927 в ответ на письмо своего старого друга В.В.Водовозова о возможности возвращения в Россию он объяснял: "Весь вопрос в связях. Если у тебя есть большие связи среди коммунистов-большевиков можешь ехать - если нет, лучше сиди на месте"¹¹. А в 1938 он сформулировал критерий отношения "*нашего государства*"¹² к частному лицу, "не принадлежащему к составу господствующей диктатуры" (под которым, конечно, он понимал и себя): "Отношение к нему определяется целесообразностью; оно совершенно различно для различных категорий и отдельных личностей, меняясь в связи с ходом времени"¹³.

¹⁰ Ibid. Письмо сыну из Москвы от 6 января 1937 г.

¹¹ Ibid. Box 13.

¹² Курсив мой - М.С.

¹³ BAR. Vernadsky Coll. Box 12. Письмо сыну из Праги от 14 августа 1938 г.

1936 - “год Добролюбова-Белинского”, ощутимо маркирующий новую эпоху - одного культа, завершил и процесс селекции и выведения породы “советского классика”. Для здания “сталинского народного классицизма”¹⁴ научная элита, персонифицированная в СССР прежде всего Академией наук, была признана “целесообразной”. Она доказала это власти, приняв предложенные условия игры, переняв самый образ мысли и заговорив вполне тоталитарным языком. “В жизни нашей страны и для нашей культуры значение работы АН в эту эпоху огромного брожения [...] - значение работы АН так велико, что сохранение этого центра позволяет принести огромные жертвы” - программно заявлено Вернадским в 1929¹⁵. В 1931 еще более конкретно: “Будущее и власть в нем, по-видимому, будет принадлежать людям науки. [...] Впереди время науки - царство крупных диктаторов-ученых”¹⁶. А пока это прекрасное будущее не наступило, можно довольствоваться и более локальными успехами: “Сейчас я победил среди наших геологов совершенно,” - констатировал Вернадский в 1937¹⁷.

С начала XX в. русская профессура формировала образ науки как мощной социально-преобразующей силы, способной воздействовать на все сферы жизнедеятельности общества. Этот образ менялся, однако его сердцевина - а именно представление самих ученых о роли науки в обществе - в целом оставалась неизменной. Если в чем Россия и являет пример уникального, особенного, то именно в претензии и экспансии научного этоса на роль лидера и руководителя общества. Эту знакомую авторитарную тему чутко уловил и умело использовал советский тоталитаризм.

¹⁴ См.: Брагинская Н.В. “... Имеют свою судьбу” // Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. С. 424.

¹⁵ Пять “вольных” писем В.И.Вернадского сыну / Публ. К.К. // Минувшее: Ист. альманах. Вып. 11. Paris: Atheneum, 1989. С. 433.

¹⁶ В.И.Вернадский “Царство моих идей впереди...” (Из записей 1931 года) / Публ. И.И.Мочалова // Природа. 1990. №6. С.99.

¹⁷ BAR. Vernadsky Coll. Box 12. Письмо дочери из Москвы от 23 августа 1937 г.

К 1936-му власть не чуждалась больше "бывших" - они стали почти "своими", вольно или невольно, часто того не замечая, воспроизводили на своей территории ту же тоталитарную конструкцию. И на место И.П.Павлова приходит дворянин Л.А.Орбели, всего через несколько месяцев после смерти Павлова полностью меняющий исследовательскую программу павловского института и занимающий все номенклатурные места в оргструктуре дисциплины; на место Н.Я.Марра - дворянин и сенаторский сын И.И.Мещанинов, который "вел себя настолько скромно, корректно и задумчиво, что его образ как-то не связался с невероятной концентрацией административной власти в одних руках"¹⁸.

За свое воспроизводство, отравляющее все вокруг на многие годы, Система щедро платила. Задолго до Дэн Сяопина сталинский режим успешно реализовал модель "Одна страна - две системы". "Я хочу и могу жить в России только будучи поставлен в особое положение и пока это имею"¹⁹. И это тоже Вернадский.

О злодеяниях сталинизма сказано много. Однако остается фактом, что никогда ранее и, по-видимому, никогда более, отечественные естественные науки не достигали такого расцвета, как в этот период. И если в XVIII в. Россия по выплавке металла занимала едва ли не 1-е место в Европе, базируясь на труде крепостных, приписанных к заводам, то для успеха в науке XX-го века одних шарашек и просто социального принуждения было недостаточно. Тоталитарная власть должна была найти и нашла другой алгоритм взаимоотношений с научной средой, заключить с ней своего рода негласное соглашение, роль медиатора-проводника в котором играла бы научная элита, чей научный, а часто и моральный, авторитет был одинаково необходим и власти, и интеллигенции.

Когда-то Ханна Арендт наивно полагала, что "интеллектуальная, духовная и художественно-артистическая инициатива столь же противопоказана тоталитаризму, как и бандитская инициатива толпы [...]. Тоталитаризм у власти

¹⁸ Брагинская Н.В. Указ. соч. С.432

¹⁹ Пять "вольных" писем. С.426

неизменно заменяет все первостепенные таланты, независимо от их симпатий, теми болванами и дураками, у которых само отсутствие умственных и творческих способностей служит лучшей гарантией их верности"²⁰. Она, наверное не без оглядки на судьбу Мартина Хайдеггера, упрекала Макса Вайнрайха, автора знаменитой книги "Hitler's Professors"²¹, в смешении чистых и нечистых - "тех, кто принял нацистский символ веры, и тех, кто был обязан своей карьерой исключительно этому режиму"²². Увы, "соблазн тоталитаризмом", оказался непреодолимым не только для "масс".

P.S. Признаюсь: намеренная заостренность и полемичность этих заметок объясняется просто. Понимая, что этатизм Вернадского неминуемо должен был привести ученого к приятию государственного строительства большевиков, я все же никогда не думала увидеть *такой* текст (имею в виду приведенное письмо к сыну). Разумеется, он может и должен быть интерпретирован более детально и комплексно. Но прощание с мифом всегда пропитано горечью.

²⁰ Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. С.449-450

²¹ Yiddish Scientific Institute - YIVO: New York, 1946

²² Арндт Х. Указ. соч. С.450.